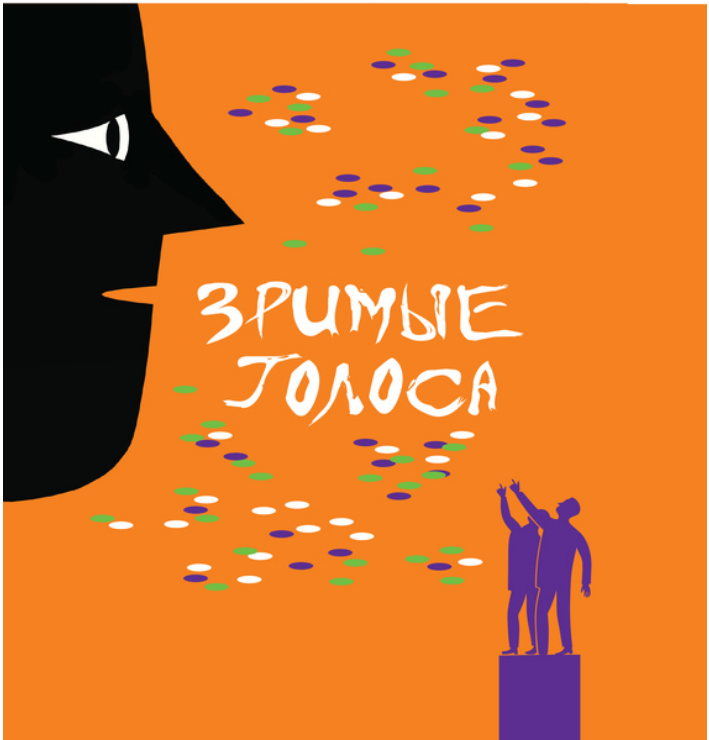
ОЛИВЕР САКС



Оливер Сакс

Зримые голоса

Серия «Оливер Сакс: невероятная психология»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12628774
Оливер Сакс. Зримые голоса: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-082112-9

Аннотация

«Язык жестов» глухонемых. Что он собой представляет – пантомиму, более или менее удачно иллюстрирующую фонетическую речь? Или самостоятельный язык, обладающий собственной грамматикой и семантикой и ни в чем не уступающий устной речи? В работе «Зримые голоса» – одном из самых интересных своих произведений – Оливер Сакс выдвигает смелую и оригинальную теорию, согласно которой именно язык жестов – подлинный и первоначальный язык головного мозга. Однако главную ценность книги составляют реальные истории людей с ограниченными возможностями, не просто боровшихся за полноценную жизнь, но и победивших в этой борьбе!..

Содержание

Предисловие 6
Мир глухих 15
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Оливер Сакс
Зримые голоса

Oliver Sacks SEENG VOICES
Печатается с разрешения автора и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.
© Oliver Sacks, 1989, 1990
© Перевод. А.Н. Анваер, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

Посвящается
Изабель Рапен, Бобу Джонсону, Бобу Сильверсу и Кейт Эдгар

Язык жестов в руках тех, кто им владеет, – самый красивый и выразительный язык, которому – в качестве средства общения и средства обратиться к сознанию глухих – ни в природе, ни в искусстве нет достойной замены.

Люди, не владеющие этим языком, не в состоянии осознать все возможности, которые он открывает глухим, понять его мощное влияние на нравственное и общественное счастье тех, кто лишен слуха. Тот, кто не знает языка жестов, не сможет оценить его чудесной способности доносить мысли до интеллекта, который в противном случае был бы обре-

чен на пребывание в вечной тьме. Не сможет такой человек понять и важности этого языка для глухих. Пока на Земле живут хотя бы двое глухих, будет существовать и язык жестов.

Дж. Шюйлер Лонг, заведующий учебной частью школы для глухих штата Айова, «Язык жестов» (1910)

Предисловие

Всего три года назад я не имел ни малейшего представления о жизни глухих и даже не мог себе представить, что знакомство с ними подарит мне столько открытий, и прежде всего в сфере языка. Я был поражен, узнав историю глухих, познакомившись с чрезвычайно тяжелой (лингвистической) ситуацией, с которой им приходится сталкиваться, и с визуальным языком, языком жестов, кардинально отличающимся от моего собственного языка – языка речи. Мы очень легко принимаем наш родной язык за нечто данное нам свыше и не подозреваем, что есть другие, работающие по иным законам языки, способные удивить нас своим строением.

Когда я впервые прочитал о глухих и об уникальной структуре языка жестов, мне захотелось исследовать его глубже, совершить в него «путешествие». Это желание привело меня к глухим людям, в их семьи; в Галлодете – уникальный, единственный в мире университет для глухих. Я побывал на Мартас-Винъярд, где издавна жила колония людей, страдавших наследственной глухотой, и где все – и глухие, и слышащие – владели местным языком жестов. Я посетил города Фримонт и Рочестер, где сосуществуют общины глухих и плохо слышащих. Это «путешествие» дало мне возможность узнать великих ученых и исследователей, знатоков языка жестов и познакомиться с условиями жизни глу-

хих людей. Эти новые знания открыли мне неизвестную сторону человеческого бытия, его новые границы. Мое «путешествие» привело меня к пониманию развития и функционирования нервной системы, к особенностям формирования сообществ, миров и культур, к тому способу их формирования, который был для меня абсолютно нов. Этот мир оказался познавательным и восхитительным. Новое знание требовало совершенно иного взгляда на старые проблемы, нового и неожиданного взгляда на язык, анатомию и культуру.

Мои изыскания очаровали и одновременно ужаснули меня. Я был в отчаянии, узнав, как много глухих людей лишено возможности полноценно общаться, а значит, и мыслить, и какая жалкая жизнь им из-за этого предуготовлена.

Но я сразу же осознал и другое измерение, другой мир возможностей – не биологических, но культурных. Многие глухие люди, с которыми мне довелось познакомиться, не просто владели настоящим языком, но языком совершенно иного сорта, языком, который обслуживал не только способность к мышлению (и на самом деле давал возможность такого восприятия и мышления, какие не могут даже вообразить слышащие), он служил средой общения для очень богатой культуры. Я ни на минуту не забывал о «медицинском» статусе глухих людей, но теперь я видел их в ином, «этническом» свете, как народ, обладающий своим отдельным языком, своей системой понятий и собственной уни-

кальной культурой[1].

На первый взгляд может показаться, что история изучения жизни глухих людей и их языка представляет весьма ограниченный интерес. Но я думаю, что на самом деле это далеко не так. Верно, что число лиц, страдающих врожденной глухотой, составляет менее одной десятой процента от всего населения, но проблемы, связанные с этими людьми, порождают вопросы огромной важности. Изучение жизни глухих показывает нам многое из того, что составляет сущность человеческого во всех нас – нашу способность к языку, к мышлению, к общению и культуре; показывает, что эта способность не развивается в нас автоматически, что она не является биологической по своей сути и что происхождение ее является продуктом социального и исторического развития; что эта способность – дар, самый чудесный из даров, передающийся от одного поколения к другому. Мы видим, что Культура так же важна для нас, как и Природа.

Существование визуального языка, языка жестов так же, как и поразительное усиление способности к восприятию и толкованию зрительных стимулов, которым сопровождается обучение языку жестов, показывает нам, что мозг обладает потенциалом, о котором мы раньше даже не догадывались. Перед нами раскрывается почти безграничная пла-

---

[1] В некоторых сообществах глухих людей по соглашению слово, обозначающее аудиологическую глухоту, пишется со строчной буквы, в то время как словом «глухота» обозначают лингвистическую и культурную невосприимчивость.

стичность и неисчерпаемость нервной системы, всего человеческого организма, когда он сталкивается с новой ситуацией и вынужден к ней приспособиться. Да, наш организм уязвим и несовершенен, и есть много способов, которыми мы можем (часто непреднамеренно) навредить себе, но есть и неведомые, скрытые, но мощные силы, бесконечные резервы, коими одарили нас Природа и Культура. Таким образом, хотя я надеюсь, что эта книга будет интересна глухим людям, их семьям, учителям и друзьям, мне думается, что она привлечет и широкую читательскую аудиторию, ибо содержит необычный взгляд на conditio humana[2].

Эта книга состоит из трех частей. Первая, «Мир глухих», была написана в 1985 и 1986 годах, и начиналась она как рецензия на книгу Харлан Лейн «Когда разум слышит». Рецензия разрослась в эссе к тому времени, когда она была опубликована (в «Нью-Йоркском книжном обозрении», 27 марта 1986 года), и позднее я вносил значительную правку и дополнял ее новым материалом. Тем не менее я оставил в книге некоторые формулировки и положения, с которыми в настоящее время уже не согласен, так как считаю, что надо сохранить оригинал, ибо он показывает, как я первоначально относился к предмету моих будущих исследований. К написанию третьей части, «Революция глухих», меня подтолкнул бунт в университете Галлоде в марте 1988 года. Эта часть была опубликована в «Нью-Йоркском книжном обозрении»

[2] Состояние человека *(лат.)*.

2 июня 1988 года и значительно переделана и расширена, прежде чем я включил ее в настоящую книгу. Часть вторая – «Мышление в жестах» – была написана последней, осенью 1988 года, но является в некотором смысле сердцевиной книги – по крайней мере это наиболее систематизированная часть, хотя и отражает свое, очень личностное отношение к предмету. Должен добавить, что я не считал необходимым придерживаться строго последовательного изложения, проводить красной нитью одну тему. Мне часто приходилось делать экскурсы в смежные области, что значительно обогащало мое исследование[3].

Хочу особо подчеркнуть, что в этой области я лишь сторонний наблюдатель – я не глухой, не владею языком жестов, не являюсь ни переводчиком, ни учителем. Я не специалист по развитию детей, не историк и не лингвист. Область эта, как убедится читатель, весьма спорная; в течение столетий она является ареной ожесточенных дебатов. Я, как уже было сказано, сторонний наблюдатель, не обладающий ни специальными знаниями, ни практическим опытом, но при этом у меня нет ни предубеждений, ни особых предпочтений, и я не точу топор на своих оппонентов.

Я не мог бы совершить свое исследование, не говоря уже о том, чтобы писать на эту тему, без дружеской поддержки

---

[3] Многочисленные и порой весьма длинные концевые примечания и сноски надо рассматривать как ментальные или образные экскурсы. Читатель может обращаться к ним или пропускать без вреда для восприятия основного текста.

многих людей. Прежде всего это глухие – пациенты, испытуемые, коллеги, друзья, – те люди, которые способны поделиться видением предмета «изнутри». Кроме них, естественно, это те, кто прямо и непосредственно занимается глухими, – семьи, переводчики и учителя. Самую сердечную благодарность я должен выразить Саре Элизабет и Сэму Льюису, а также их дочери Шарлотте; Деборе Таннен из Джорджтаунского университета; сотрудникам Калифорнийской школы для глухих во Фримонте, Лексингтонской школы для глухих, а также сотрудникам других школ и учреждений для глухих, в частности, сотрудникам университета Галлодже – Дэвиду де Лоренцо, Кэрол Эртинг, Майклу Кархмеру, Скотту Лидделлу, Джейн Норман, Джону Ван Кливу, Брюсу Уайту и Джеймсу Вудворду и многим, многим другим.

Я в неоплатном долгу перед теми людьми, которые всю свою жизнь посвятили изучению глухих и их языка – в частности, перед Урсулой Беллуджи, Сьюзен Шаллер, Хильдой Шлезингер и Уильямом Стокоу, которые щедро делились со мной своими мыслями и наблюдениями. Джером Брюнер, много и плодотворно размышлявший о ментальном и речевом развитии детей, был моим верным другом и проводником в моем «путешествии» в Страну Глухих. Мой друг и коллега Эльханан Гольдберг предложил новую теорию неврологических основ языка и мышления и тех форм, в каких они могут проявляться у глухих. Особое удовольствие я получил от знакомства с Харлан Лейн и Норой Эллен Гроус,

чьи книги вдохновили меня в 1986 году, – их взгляд на проблемы глухих расширил мои представления о них. Несколько коллег, среди них Урсула Беллуджи, Джером Брюнер, Роберт Джонсон, Харлан Лейн, Элен Невилль, Изабель Рапен, Израэль Розенфилд, Хильда Шлезингер и Уильям Стокоу, читали рукопись этой книги на разных стадиях ее создания и высказали множество полезных критических замечаний, поддержав меня, за что я им очень благодарен. Всем им я обязан моими знаниями (хотя за возможные ошибки несу ответственность я один).

В марте 1986 года Стен Хольвиц из издательства Калифорнийского университета доброжелательно отнесся к моему первому эссе и побудил меня развернуть его в полновесную книгу. В течение трех лет, которые потребовались для ее написания, он неизменно терпеливо меня поддерживал, воодушевлял и стимулировал. Пола Сизмар прочитала рукопись, сделав при этом массу ценных замечаний. Ширли Уоррен довела рукопись до набора, терпеливо внося сноски и исправления, которые я делал в последнюю минуту.

Я очень благодарен также моей племяннице, Элизабет Сакс Чейз, которая предложила название, – она обратила внимание на слова, с которыми Пирам обращается к Фисбе: «Я вижу голос…»[4]

После завершения работы над книгой я сделал то, с чего

[4] «Пирам и Фисба» – вавилонская легенда, сохраненная древними греками и изложенная в «Метаморфозах» Овидия.

мне, конечно, следовало бы начать: я стал учить язык жестов. Особую благодарность я приношу моей учительнице Джейнис Римлер из Нью-Йоркского общества глухих и моим наставникам – Эйми и Марку Трагмен, которые упорно воевали с трудным, перезрелым учеником, убеждая меня в том, что никогда не поздно начать.

Но самую глубокую признательность я хочу выразить двум коллегам и двум издателям, которые сыграли решающую роль в том, что книга была написана и издана. Первый – это Боб Сильверс из «Нью-Йоркского книжного обозрения», который для начала прислал мне книгу Харлан Лейн, приложив к ней записку: «Вы никогда всерьез не размышляли о языке; книга Лейн заставит вас это сделать». И она заставила. Боб Сильверс обладает даром предвидения, он заранее знает, что может потребоваться другому человеку, хотя тот и сам еще об этом не догадывается. Он играет роль, если можно так выразиться, повивальной бабки идей, которые, по его мнению, должны вот-вот появиться на свет.

Второй я хочу назвать Изабель Рапен, которая была моим другом и коллегой на протяжении двадцати лет работы в колледже Альберта Эйнштейна. Она сама работала с глухими, пристально наблюдая за ними на протяжении четверти века. Изабель знакомила меня со своими пациентами, водила в школы для глухих, делилась со мной своим опытом работы с детьми и помогала мне понять проблемы глухих, чего я бы никогда не смог сделать без посторонней помощи.

(Сама Изабель написала обширную рецензию [Рапен, 1986] на книгу «Когда разум слышит».)

Я встретил Боба Джонсона, заведующего кафедрой лингвистики университета Галлоде во время моего первого визита в 1986 году. Именно он познакомил меня с языком жестов и с миром глухих – с их языком и культурой, которую едва ли могут самостоятельно постичь непосвященные. Если Изабель Рапен и Боб Сильверс благословили меня на «путешествие», то Боб Джонсон стал моим попутчиком и гидом.

И наконец, Кейт Эдгар, которая, сочетая в одном лице коллегу, друга, редактора и организатора, неизменно побуждала меня мыслить и писать, рассматривая проблему с разных точек зрения, но никогда не забывать о главном.

Этим четверым я и посвящаю свою книгу.

О.В.С.

Нью-Йорк

Март 1989 года

Мир глухих

Мы поразительно невежественны во всем, что касается глухоты, которую доктор Джонсон назвал «одним из величайших бедствий человечества», – более невежественны, чем образованные люди, жившие в 1886-м или 1786 году. Невежественны и равнодушны. В течение последних месяцев я заговаривал на эту тему с очень многими людьми и почти всегда сталкивался с такими приблизительно ответами: «Глухота? Не знаком ни с одним глухим. Никогда об этом не думал. Разве в глухоте есть что-нибудь *интересное*?» Всего несколько месяцев назад я и сам ответил бы точно так же.

Для меня все изменилось после того, как мне прислали толстую книгу Харлан Лейн «Когда разум слышит: история глухих». Я открыл книгу с безразличием, которое вскоре сменилось изумлением, а затем ощущением чего-то совершенно невероятного. Я обсудил этот вопрос с моим другом и коллегой, доктором Изабель Рапен, которая работала с глухими на протяжении двадцати пяти лет. Я ближе познакомился с глухой коллегой, замечательной и высокоодаренной женщиной, которую до этого воспринимал как обычную сотрудницу[5]. Я начал лично осматривать и подробно обсле-

[5] Эта коллега, Люси К., отлично говорит и безошибочно читает по губам. Она делает это так хорошо, что я вначале не понимал, что она глухая. Но однажды, разговаривая с ней, я случайно отвернулся в сторону и мгновенно оборвал наше

довать глухих больных, находившихся на моем попечении [6]. Окончив чтение моей первой книги о глухих, я перешел к «Опыту глухоты», сборнику воспоминаний первых грамотных глухих и их биографий, также изданному Лейн, а затем к книге Норы Эллен Гроус «Здесь все говорят на языке жестов» и ко многим другим источникам. Теперь у меня целая полка заставлена книгами по теме, о которой всего полгода назад я не имел ни малейшего представления. Кроме того, я

общение. Только тогда я понял, что она не слышит, но читает по губам («чтение по губам» – это совершенно неадекватное обозначение того сложного искусства наблюдения, вдохновения и умозаключения, которое требуется для понимания речи по ее артикуляции). Диагноз глухоты был поставлен Люси в возрасте 12 месяцев, и родители ее тотчас изъявили горячее желание научить дочь говорить, чтобы она стала полноправным членом мира слышащих. Мать ежедневно посвящала несколько часов этому обучению. То была тяжкая работа, продолжавшаяся более двенадцати лет. Только после этого в возрасте четырнадцати лет Люси выучила язык жестов; он навсегда остался для нее вторым языком, не став «естественным». Она продолжала, пользуясь умением читать с губ и мощными слуховыми аппаратами, преподавать в «нормальных» (слышащих) классах в школе и колледже, а теперь работает в госпитале со слышащими пациентами. Сама она испытывает смешанное чувство в отношении своего положения. «Иногда я чувствую, – сказала она однажды, – что нахожусь между двумя мирами, не принадлежа ни одному из них».

[6] До прочтения книги Лейн я наблюдал некоторых глухих пациентов, но наблюдал, согласно чисто медицинским понятиям, по поводу «заболеваний уха» или «отоневрологических нарушений». После прочтения книги я стал видеть таких больных в совершенно новом свете, особенно после того, как увидел, с каким напряженным вниманием, с каким воодушевлением общались между собой трое или четверо этих пациентов. Только после этого я стал думать о них не как о глухих, но как о *глухих*, как о членах совершенно иного языкового сообщества.

посмотрел несколько замечательных фильмов о глухих [7].

Выскажу еще одну благодарность в качестве преамбулы. В 1969 году У.Х. Оден подарил мне книгу «Глухота», замечательное автобиографическое воспоминание южноафриканского поэта и романиста Дэвида Райта, который оглох в возрасте семи лет. «Вы будете очарованы, – сказал Оден. – Это великолепная книга». Страницы испещрены его пометками, хотя я не знаю, писал ли он на нее рецензию. Я бегло просмотрел – без особого, впрочем, интереса – эту книгу в 1969 году и поставил ее на полку. Совсем недавно я вновь открыл это произведение. Дэвид Райт пишет о глухоте, основываясь на собственном, глубоко личном опыте. Он пишет об этом предмете не так, как пишут историки или ученые. Мы, слышащие, можем довольно легко представить его ощущения и чувства, поскольку до семи лет он не был глухим (в то время как нам трудно поставить себя на место человека, родившегося глухим, каким был, например, знаменитый глухой учитель Лоран Клерк). Таким образом, Райт может служить для

[7] С момента показа по английскому телевидению программы «Неслышный голос рук» (Горизонт, 1980) было выпущено еще с полдюжины подобных программ. Много программ было сделано в Соединенных Штатах (в частности, несколько программ, подготовленных университетом Галлоде, например, «Руки, полные слов»), самая важная – это документальный фильм Фредерика Уайзмена «Глухота и слепота», показанный по государственному телевидению в 1988 году. Кроме того, по телевидению было показано несколько художественных фильмов о глухих. Так, в январе была показана последняя серия эпопеи «Звездный путь», озаглавленная «Громче шепота», где показан глухой актер Хови Сиго – глухой посол с другой планеты, общающийся с землянами на языке жестов.

нас «мостом», соединяя нас своим опытом с миром непостижимого. Так как читать Райта легче, чем великих немых XVIII века, его надо читать первым, ибо он может подготовить нас к чтению других авторов. В конце своей книги Дэвид Райт отмечает:

> «Надо сказать, что глухие мало писали о глухоте[8]. Пусть так, но, учитывая, что я не был глухим, когда учился говорить и выучил язык, я нахожусь не в лучшем положении, чем слышащий человек, пытающийся представить себе, что значит родиться глухим, в полном безмолвии, и дорасти до зрелых лет без носителя мышления и общения. Одна только попытка придает вес великим словам Евангелия от Иоанна: "В начале было Слово". Как же тогда формулировать понятия?»

Именно это – отношение языка к мышлению – составляет глубочайшую, главную проблему, когда мы размышляем о том, с чем сталкивается человек, рожденный глухим или оглохший в раннем возрасте.

Понятие «глухой» очень нечеткое, оно настолько общее,

[8] Это было действительно так в 1969 году, когда Райт опубликовал свою книгу. С тех пор глухие написали массу книг о глухоте, из которых самая замечательная – «Глухие в Америке: голоса культуры», написанная двумя глухими лингвистами Кэролом Пэдденом и Томом Хамфрисом. Есть также романы о глухих, написанные глухими, например, «Ислей» Дугласа Булларда, где автор пытается уловить отчетливость восприятия, поток сознания и внутреннюю речь людей, общающихся на языке жестов. Другие книги глухих перечислены в превосходной библиографии, которая завершает книгу Райта «Глухота».

что мешает понять, что глухота может быть различной степени, а эта степень может иметь качественное или даже «экзистенциальное» значение. Есть слабослышащие. Слабым слухом страдают в США 15 млн человек, которые могут слышать речь при использовании слуховых аппаратов и при наличии терпения и внимания со стороны тех, кто с ними разговаривает. У многих из нас слабослышащие родители, бабушки и дедушки – 100 лет назад они пользовались слуховыми трубками, а теперь – слуховыми аппаратами.

Есть также категория глухих, страдающих тяжелой тугоухостью, полученной обычно в результате заболеваний или травм уха в раннем детстве, но у таких больных так же, как и у слабослышащих, восприятие речи все же возможно, особенно с помощью сложных, часто компьютеризированных и индивидуально подобранных, современных слуховых аппаратов, которые теперь имеются в продаже. Есть также «совершенно глухие» – в просторечии их называют глухими как пень – у этих людей нет никакой надежды слышать речь независимо от прогресса в технологиях слуховых аппаратов. Абсолютно глухие люди не могут общаться обычным способом. Они либо учатся читать по губам (как это делал Дэвид Райт), либо общаются с помощью языка жестов, или пользуются и тем и другим.

Дело, правда, не только в степени глухоты – здесь важен возраст, в котором человек теряет слух, и его общее развитие. Дэвид Райт в процитированном выше абзаце пишет, что

потерял слух после того, как научился владеть языком, и (таков его случай) он не может даже вообразить себе, как чувствуют себя люди, лишенные слуха от рождения или потерявшие его до овладения устной речью. Он пишет об этом в следующих отрывках.

> «Мне повезло – если считать, что глухота была написана мне на роду, – в том, как именно я стал глухим. В семилетнем возрасте дети, как правило, уже владеют языком – как это было со мной. То, что я знал естественный язык, имело еще одно преимущество: произношение, синтаксис, модуляции голоса, идиомы – все это я усвоил на слух. У меня была основа словаря, который я мог легко расширить чтением. Всего этого я был бы лишен, если бы родился глухим или потерял слух до того, как научился говорить». [Курсив автора.]

Райт пишет о «фантомных голосах», которые он слышит, когда с ним говорят, при условии, что он видит губы и лица говорящих. Он слышит также и шелест листьев, когда видит, как они шевелятся от ветра[9]. Райт превосходно описывает появление этого феномена – он возник сразу, как только мальчик потерял слух:

---

[9] Для обозначения этого феномена Райт пользуется фразой Вордсворта «музыка глаз», даже если в этих случаях видимое не сопровождается звуковыми фантомами, и часто это словосочетание используют и другие глухие писатели для обозначения визуальных рисунков и их красоты. Особенно часто им пользуются для обозначения повторяющихся мотивов («рифм» или «согласований» и т. д.) в поэзии на языке жестов.

«Мне было трудно воспринять мою глухоту, потому что с самого начала мои глаза стали непроизвольно переводить движение в звук. Моя мать проводила со мной большую часть дня, и я понимал абсолютно все, что она говорила. И почему нет? Сам того не зная, я всю жизнь читал по ее губам. Когда она говорила, мне казалось, что я слышу ее голос. Это была иллюзия, которая сохранилась даже после того, как я понял, что это иллюзия. Мой отец, двоюродные братья, все, кого я знал, сохранили свои фантомные голоса. Того, что они являются плодом моего воображения, проекциями опыта и памяти, я не понимал до тех пор, пока не вышел из госпиталя. Однажды, когда я говорил со своим двоюродным братом, он в какой-то момент прикрыл рот рукой. Тишина! Раз и навсегда я понял, что если я не могу видеть, то не могу и слышать»[10].

[10] Конечно, в природе существует «согласие» ощущений – предметы издают звуки, их видят, осязают, нюхают. Звуки, вид, тактильное восприятие и запах идут рука об руку. Это соответствие устанавливается в чувственном опыте по ассоциации. Обычно мы не осознаем это соответствие, однако мы очень удивляемся, если какая-то вещь, например, начинает звучать вне соответствия со своим видом – в случае если наши чувства дают сбой. Но мы сразу осознаем соответствия разных чувств, если либо лишаемся одного из них, либо резко приобретаем. Так, Дэвид Райт «услышал» речь в тот момент, когда лишился слуха; один из моих пациентов, у которого внезапно развилась аносмия, ощущал запахи цветов всякий раз, когда их видел (*Сакс*, 1985). Больной, описанный Ричардом Грегори («Случай восстановления зрения после ранней слепоты», *Грегори*, 1974), смог сразу определять время по часам, как только впервые их увидел (больной был слеп от рождения). Прежде он определял время на ощупь, касаясь пальцами стрелок часов, у которых было снято стекло с циферблата.

Хотя Райт знает, что звуки, которые он «слышит», являются «иллюзорными» – «проекциями привычки и памяти», – они остаются живыми для него все те десятилетия, что он страдает глухотой. Для Райта, как и для всех тех, кто оглох, успев усвоить язык на слух, мир остается полным звуков, пусть даже и «фантомных»[11].

Как только больной стал видеть, он сразу научился переводить свое тактильное ощущение в зрительное.

[11] Это восприятие (естественно, воображаемое) «фантомных голосов» при чтении с губ очень характерно для глухих, оглохших после усвоения естественного языка на слух, то есть для тех, для кого речь (и внутренняя речь) была когда-то слуховым переживанием. Эти звуки не «воображают» в обычном смысле этого слова, но скорее автоматически «переводят» визуальный опыт в его слуховой коррелят, основанный на опыте и ассоциации, – этот перевод имеет свою неврологическую основу, экспериментально подтвержденную связь слуховых и зрительных областей мозга. Этого, естественно, не происходит у больных, утративших слух до овладения естественным языком и речью. У таких глухих нет опыта слуха, на который можно было бы опереться. Для них чтение с губ, как и обычное чтение, является чисто зрительным опытом; они видят движения губ, но не слышат голос. Нам, слышащим людям, практически невозможно себе представить такой визуальный голос так же, как людям, которые никогда не слышали звуков, невозможно представить себе звучащий голос.Люди, страдающие врожденной глухотой – это следует обязательно добавить, – могут обладать обширными познаниями в письменном английском языке, могут помнить наизусть всего Шекспира, несмотря на то что этот язык для них не звучит, он не говорит с ними звуком, он говорит с ними чисто зрительно; они не слышат, они видят «голоса» слов.Когда мы читаем или воображаем, что с нами кто-то говорит, мы слышим голос своим внутренним ухом. Но что чувствуют люди, страдающие врожденной глухотой? Как они воображают себе голоса? Клейтон Валли, глухой поэт, сочиняющий на языке жестов, когда к нему приходит стих, чувствует, как его тело производит мелкие жесты, то есть он говорит сам с собой своим собственным голосом, который он способен воспринять. Но как быть с воображе-

нием чужих голосов, со сновидениями и галлюцинациями? Безумцы часто слышат голоса, чужие голоса, обвиняющие, изводящие, обманывающие. Страдают ли глухие, если они сходят с ума, от привязчивых зримых голосов? И если да, то как они их видят? Видят ли они висящие в воздухе жестикулирующие руки? Или перед их внутренним взором появляется жестикулирующий призрак? Я так и не смог ответить на этот вопрос. Так же трудно, например, заставить проснувшегося человека отчетливо вспомнить, что и как ему снилось. Он что-то узнал во сне, но получил ли он эту информацию зрительно или на слух, он, как правило, вспомнить не может. До сих пор было проведено очень мало исследований о галлюцинациях, сновидениях и языке глухих.Вопрос о том, каким образом поздно оглохшие люди могут продолжать «слышать», аналогичен вопросу о том, как поздно ослепшие люди могут продолжать «видеть» и продолжают – наяву и во сне – жить в визуальном мире. Самая поразительная автобиография такого слепого была написана Джоном Халлом (1990). «В первые два года моей слепоты, – пишет он, – когда я думал о знакомых мне людях, они распадались на две группы: людей с лицами и людей без лиц. Люди, которых я знал до потери зрения, имеют лица, те, с кем я познакомился потом, лиц не имеют. С течением времени доля безликих стала расти». У Халла было живое зрительное представление о тех людях, которых он знал до того, как потерял зрение, он явственно видел своих собеседников во время разговора, хотя их образы были фиксированы в прошлом и поэтому с годами устаревали. При встречах с другими людьми, о которых у него не сохранились зрительные воспоминания, у Халла периодически возникали неустойчивые зрительные «проекции» (возможно, аналогичные слуховым «фантомам» Райта и фантомным ощущениям ампутированных конечностей; такие сенсорные призраки создаются мозгом, когда он внезапно лишается нормальных сенсорных входов).В целом Халл чувствовал, что по мере того, как проходили годы, он все больше и больше впадал в то, что сам он назвал «глубинной слепотой». Он все меньше и меньше помнил, представлял себе зрительные образы, да, в общем, и перестал в них нуждаться. Он постепенно стал «видеть всем телом». Он жил теперь в автономном и совершенном мире телесных ощущений: осязательных, обонятельных, вкусовых и, конечно же, слуховых. Причем все эти чувства значительно усилились и обострились. В речи он продолжал использовать зрительные образы и метафоры, но теперь они действительно стали

шащими людьми, а также людьми, оглохшими после усвоения языка на слух (например, такими, как Дэвид Райт), происходит, если слух отсутствует с рождения или теряется до усвоения речи и языка. Те, кто страдает такой ранней или врожденной глухотой, входят в категорию, которая качественно отличается от всех других категорий людей с нарушениями слуха. Для таких людей, которые никогда в жизни не слышали, у которых нет слуховых воспоминаний, образов или ассоциаций, нет и не может быть даже иллюзии звуков. Они живут в мире полного, нерушимого безмолвия и вечной тишины[12]. Людей, страдающих врожденной глухо-

---

для него всего лишь метафорами. Вероятно, те, кто поздно оглох, тоже могут терять воспоминания о слуховых образах, все больше и больше погружаясь в исключительно визуальный мир «глубинной глухоты». Когда Райта однажды спросили, хотел бы он сейчас вернуть себе слух, он ответил, что нет, так как сейчас его мир и без этого совершенен.

[12] Таков стереотипный взгляд, не вполне, впрочем, верный. Люди с врожденной глухотой не чувствуют «безмолвия» и не жалуются на него, точно так же, как слепые не видят «тьму» и не сетуют на нее. Это лишь наши проекции или метафоры их состояния. Более того, люди, страдающие тяжелейшей глухотой, могут слышать самые разнообразные звуки и превосходно ощущают вибрацию. Эта чувствительность к вибрации может стать дополнительным чувством. Так, например, Люси К., несмотря на то что она практически ничего не слышит, различает звучание «пятой струны», если кладет руку на рояль, и узнает по телефону голоса людей при значительном усилении громкости. В обоих случаях она воспринимает вибрацию, а не звук. Развитие вибрационного чувства как дополнительного средства восприятия в какой-то степени аналогично развитию «лицевого зрения» (когда слепые используют лицо как эхолокатор для получения звуковой информации) у слепых.Слышащие люди воспринимают звук или вибрацию: так, очень низкая нота «до» (ниже диапазона фортепьянной первой октавы) может восприниматься человеком либо как очень низкий звук «до» или без-

той, насчитывается в США четверть миллиона. В мире один из тысячи детей рождается глухим.

Эта книга посвящена этим, и только этим, людям, ибо их положение в мире абсолютно уникально. Но почему это так? Люди склонны, если они вообще задумываются о глухоте, считать ее расстройством более мягким, нежели слепота. Они видят в глухоте небольшой недостаток, источник раздражения, нелепую помеху, но едва ли думают о разрушительных последствиях полной врожденной глухоты.

Является ли глухота предпочтительнее слепоты, если возникает у взрослого человека, вопрос спорный. Но родиться глухим – это намного хуже, чем родиться слепым. По крайней мере потенциально. Люди, потерявшие слух до того, как научились говорить, люди, неспособные слышать своих родителей, рискуют сильно отстать в овладении языком (или могут вообще им не овладеть), если вовремя не будут приняты надлежащие меры. Неумение владеть языком в чело-

---

звучная вибрация с частотой 16 колебаний в сек. Если спуститься еще на октаву ниже, то будут восприниматься только колебания. Если же подняться на октаву выше, то есть заставить струну колебаться с частотой 30 колебаний в сек., то это будет восприниматься как чистый звук без вибрации. Восприятие «тона» в звуковом диапазоне является своего рода синтетическим суждением или конструктом нормальной слуховой системы (см. книгу *Гельмгольца* «Восприятие тона», написанную в 1862 году). Если же создание такого конструкта невозможно, например, у глухого, то происходит расширение диапазона восприятия вибрации; этот диапазон смещается вверх, в область, которую слышащие люди воспринимают как чистые тоны. Такое расширение может достичь середины музыкального или речевого частотного диапазона.

веческом обществе – это одна из самых страшных бед, ибо только посредством языка мы полностью приобщаемся к нашему человеческому состоянию и культуре, вступаем в контакт с другими людьми, усваиваем и передаем информацию. Если мы не сможем этого делать, то станем инвалидами, отрезанными от общества независимо от желаний, намерений и врожденных способностей. Действительно, при отсутствии языка мы не сможем реализовать свои интеллектуальные способности и прослывем умственно отсталыми[13].

Именно по этой причине в течение тысячелетий глухие от рождения люди считались тупыми и недоразвитыми, и, согласно древним и средневековым несовершенным законам, к ним официально относились как к неполноценным. Они

[13] Изабель Рапен считает глухоту излечимой, а точнее, поддающейся профилактике формой отставания в интеллектуальном развитии (см.: *Рапен*, 1979).Существует поразительная разница между стилем подхода к миру между глухими и слепыми (а также и зрячими). Слепые дети, в частности, склонны к избыточному развитию речевых способностей и пользуются вербальными описаниями вместо зрительных впечатлений, пытаются вытеснить или заместить зрительные образы словесными. Все это приводит, считала психоаналитик Дороти Берлингем, к псевдовизуальному самоутверждению – ребенок притворяется, что видит, хотя на самом деле он не видит ничего (*Берлингем*, 1972). Она считала, что дети, страдающие врожденной слепотой, нуждаются в совершенно особом воспитании, требующем, быть может, даже особого языка, чтобы обращаться с ними не как с ущербными, но как с особыми людьми, обладающими такими же правами, как и все прочие. Это была революция в 30-е годы, когда появились ее первые публикации. Было бы неплохо иметь такие психоаналитические исследования, касающиеся детей с врожденной глухотой. Правда, психоаналитик в таком случае должен быть либо глухим, либо в совершенстве, как родным, владеть языком жестов.

не могли наследовать имущество, вступать в брак, получать образование и профессию, им отказывали также в фундаментальных человеческих правах. Эта ситуация начала улучшаться только в середине XVIII века, когда (возможно, благодаря просвещению, а возможно, смягчению нравов) радикально изменилось отношение к глухим.

Философы того времени живо интересовались разными необычными явлениями – например, проблемой людей, по всем признакам лишенным языка. В самом деле, дикий мальчик из Авейрона[14], когда его привезли в Париж, был до-

[14] Виктор, дикий мальчик, был обнаружен в лесах близ Авейрона в 1799 году. Ребенок передвигался на четвереньках, питался желудями и вел жизнь дикого животного. Когда его в 1800 году привезли в Париж, он привлек к себе громадный философский и педагогический интерес. Как он мыслит? Можно ли его воспитать и дать ему образование? Врач Жан-Марк Итар, известный своим пониманием (или непониманием) глухоты, взял мальчика к себе домой и попытался научить его языку и воспитать его. Первые заметки Итара по этому поводу были опубликованы в 1807 году, за ними последовали и другие публикации. Харлан Лейн также посвятила мальчику книгу, где среди прочего рассуждает о разнице между «дикими» мальчиками и детьми с врожденной глухотой.Романтические мыслители XVIII века, самым ярким представителем которых был Руссо, были склонны видеть причину всех бед, несчастий и притеснений в цивилизации. Они считали, что невинность и свободу можно найти только в природе: «Человек рождается свободным, но везде пребывает в цепях». Ужасающая реальность, в которой жил Виктор, стала для романтиков холодным душем, откровением, которое так описал Клиффорд Гирц:«Нет такой вещи, как человеческая природа, независимая от культуры. Люди без культуры не станут аристократами природы в духе примитивизма Просвещения. Такие люди превратятся в неуправляемых чудовищ с весьма малым набором полезных инстинктов, с неразвитыми чувствами, лишенными всякого интеллекта: короче, они превратятся в безмозглых безумцев. Так как наша центральная нервная система, как и венчающее ее проклятие

ставлен в Национальный институт глухонемых, которым в то время руководил аббат Рох-Амбруаз Сикар, основатель Общества изучения человека и выдающийся авторитет в сфере образования глухих. Как пишет Джонатан Миллер[15]:

> «Насколько это касалось членов общества, они увидели в "диком" ребенке идеальную возможность исследовать самые основы человеческой природы. Изучая подобные создания, как они рассматривали дикарей и первобытных людей, краснокожих индейцев и орангутангов, интеллектуалы конца XVIII века вознамерились, обследовав маленького белого дикаря, решить, что же является характерным для Человека. Может быть, на этот раз представится возможность взвесить природное наследие человека и раз и навсегда определить роль, которую играет общество в развитии языка, культуры и нравственности».

Дикий мальчик так и не научился говорить – неизвестно почему. Одна из причин провала (которую, правда, в то время не рассматривали) заключается в том, что его не учили языку жестов, а долго (и безуспешно) пытались заставить говорить. Однако когда «глухих и тупых» начинали правильно обучать, то есть учили языку жестов, они показывали изум-

---

и благословение – новая кора, развивалась во взаимодействии с культурой, то она не способна направлять наше поведение и организовывать наш опыт без руководства, обеспеченного системой значащих символов. Мы в итоге являемся незаконченными и недоразвитыми животными, чье завершение и развитие осуществляется только в культуре» (*Гирц*, 1973, с. 49).

[15] *Миллер*, 1976.

ленному миру, как быстро и полно могут постичь культуру и жизнь. Это поразительное и чудесное обстоятельство – как презираемое и находящееся в полном пренебрежении меньшинство, практически лишенное статуса человеческих существ, вдруг вырвалось на мировую арену (с трагическим рецидивом, произошедшим в следующем веке) – составляет открытую главу истории глухих.

Но прежде чем обратиться к этой странной истории, давайте вернемся к абсолютно личностным и «наивным» наблюдениям Дэвида Райта («наивным», потому что, как он сам подчеркивал, он никогда ничего не читал по этому предмету до тех пор, пока сам не стал писателем). В возрасте восьми лет, когда стало окончательно ясно, что его глухота неизлечима и что без особых методик обучения его речь деградирует, Дэвида отправили в специальную школу в Англии, где работали бескомпромиссно преданные делу люди, неправильно понимавшие суть проблемы и причинявшие поэтому непоправимый вред детям с врожденной глухотой. В школе детям прививали навыки устного языка. Юный Дэвид был поражен, впервые столкнувшись с ребенком, глухим от рождения.

«Иногда мы занимались уроками вместе с Ванессой. Она была первым глухим ребенком, с которым я познакомился. Но даже восьмилетнему ребенку, каким я тогда был, ее зна-

ния казались странно ограниченными. Помню, что мы оказались вместе на уроке географии, когда мисс Невилл спросила:

– Кто король Англии?

Ванесса не знала. Встревожившись, она попыталась краем глаза прочесть ответ в лежавшем перед ней учебнике, открытом на главе, посвященной Великобритании.

– Король – король, – начала Ванесса.

– Продолжай, – приказала мисс Невилл.

– Я знаю, – сказал я.

– Сиди тихо.

– Соединенное Королевство, – сказала Ванесса.

Я засмеялся.

– Ты глупая, – сказала мисс Невилл. – Как могут короля звать «Соединенным Королевством»?

– Король Соединенное Королевство, – покраснев как рак, упрямо повторила Ванесса.

– Скажи ты, если знаешь, Дэвид.

– Король Георг Пятый, – гордо сказал я.

– Это нечестно! Этого нет в книге!

Конечно, Ванесса была абсолютно права: в главе по географии Великобритании не было ни слова об ее политическом устройстве. Ванесса была отнюдь не глупа; но так как она родилась глухой, то очень медленно и болезненно расширяла свой словарный запас, увы, слишком маленький, чтобы она могла читать для развлечения или удовольствия. В ре-

зультате у нее не было возможности собирать разнообразную и не всегда нужную информацию, которую слышащие дети подсознательно усваивают из разговоров и бессистемно прочитанных книг. Она знала только то, что ей сказали учителя, или то, что они заставили ее выучить. В этом состоит фундаментальная разница между слышащими детьми и детьми с врожденной глухотой. Во всяком случае, такая разница существовала в прежнюю эпоху – до изобретения электронных приборов».

Мы понимаем, что Ванесса, невзирая на свои врожденные способности, находилась в трудном положении, которое не только не улучшалось, но и усугублялось порядками этой прогрессивной, как тогда считалось, школы. В ней, руководствуясь чувством безапелляционной правоты, запретили язык жестов – не только стандартный британский язык жестов, но и арго – грубый язык жестов, придуманный учениками школы. Но тем не менее – и Райт очень хорошо это описывает – язык жестов процветал в школе, его невозможно было искоренить никакими наказаниями и запретами. Вот как описывает Райт свое первое знакомство с мальчиками:

> «Это было ошеломляющее зрелище. Руки мелькали, как мельничные крылья во время урагана. Это был эмфатический молчаливый язык тела – вид, выражение лица, манера, взгляд; руки, занятые пантомимой. Захватывающий пандемониум. Постепенно я начал

улавливать, что происходит. Бессистемное на первый взгляд размахивание руками превратилось в некий код, абсолютно, правда, для меня непонятный. На самом деле это было обычное просторечие. В школе существовал свой собственный язык, или арго, хотя и невербальный… Предполагалось, что в школе общаются только устно. Конечно, наш доморощенный арго жестов был строжайше запрещен… Однако это правило в отсутствие воспитателей и учителей никто не соблюдал. Я описал не то, как мы говорили, я описал, как мы говорили, когда были предоставлены самим себе, когда среди нас не было слышащих. В такие моменты мы вели себя совершенно по-другому. Мы избавлялись от напряжения и сбрасывали маски».

Такой была Нортгемптонская школа в английском Мидлендсе в 1927 году, когда туда поступил Дэвид Райт. Для него, ребенка, оглохшего уже после того, как он твердо овладел речью, обучение в такой школе было несомненно полезным. Для Ванессы, для других детей, оглохших до усвоения речи и языка, обучение в такой школе было едва ли не катастрофическим. Однако на сто лет раньше, в открытом в начале XIX века американском приюте для глухих – в Хартфорде, штат Коннектикут, – допускалось и приветствовалось общение на языке жестов как между учениками, так и между учениками и учителями. В такой школе Ванесса не чувствовала бы себя ущербной; она вполне могла бы стать грамотной, а может быть, и пишущей женщиной, одной из пи-

сательниц, прославившихся в 30-е годы XIX века.

* * *

Положение людей с врожденной глухотой или оглохших до усвоения языка было – до 50-х годов XVIII века – поистине удручающим. Неспособные обучиться речи, считавшиеся поэтому «бессловесными» или «немыми», они не могли свободно общаться даже с собственными родителями и членами семьи и объяснялись с помощью нескольких элементарных жестов. Выброшенные на обочину общественной жизни, по закону считавшиеся недееспособными, лишенные доступа к образованию и грамотности, они были обречены на самую черную работу. Жили они почти всегда одни и, как правило, в удручающей нищете. Общество и закон считали их едва ли не слабоумными. Участь глухих была просто ужасной[16].

---

[16] В начале XVI века некоторых глухих детей из благородных семейств учили говорить и читать, хотя на это уходило много лет упорного обучения. Детей учили для того, чтобы закон признал их равноправными гражданами (немые не считались таковыми) и они могли унаследовать титул и состояние. Педро Понсе де Леон в Испании XVI века, Брэйдвуды в Англии, Перейре и Дешан во Франции – все это были слышащие просветители, добившиеся некоторых успехов в обучении глухих детей членораздельной речи. Лейн тем не менее подчеркивает, что многие из просветителей пользовались для этого жестами. Действительно, даже самые известные из их глухих учеников, несмотря на владение устной и письменной речью, пользовались также и языком жестов. Речь их была, как правило, невнятной и неразборчивой; к тому же после прекращения занятий эта способ-

Эти притеснения вели к духовной, внутренней нищете – отчуждению от знаний и мышления, каковые было невозможно привнести глухим детям в отсутствие каких бы то ни было средств общения с ними. Плачевное положение глухих возбуждало любопытство и сострадание философов. Так, аббат Сикар вопрошал:

> «Почему необразованный глухой человек отчужден от людей природой и не способен с ними общаться? Почему он низведен до положения умственно неполноценного человека? Отличается ли его биологическая конституция от нашей? Разве нет у него всего того, что позволяло бы ему чувствовать, усваивать идеи и, сочетая их, делать то же, что делаем мы? Разве не получает он, подобно нам, чувственные впечатления от предметов? Разве эти впечатления не пробуждают в нем, как и в нас, чувства и связанные с ними идеи? Почему же тогда глухой человек остается глупым, в то время как мы становимся умными?»

Задать такой вопрос – вопрос, который раньше никто себе на самом деле не задавал, – значит понять, что решение заключается в использовании символов. Это происходит оттого, продолжает Сикар, что у глухого нет «символов для фиксации и сочетания идей, что существует пропасть между ним и другими людьми». Но самым главным источником фун-

---

ность быстро регрессировала. Но в целом до 1750 года 99,9 процента людей с врожденной глухотой не имели ни малейшей надежды на овладение грамотой и получение образования.

даментальной путаницы с тех пор, как на эту тему высказался Аристотель, является обманчивая уверенность в том, что символы могут быть только речевыми. Возможно, что это страстное непонимание или предрассудок восходит еще к библейским временам: униженное положение немых было частью законов Моисея, а затем подкреплено библейским восхвалением голоса и слуха как единственного способа общения человека с Богом («В начале было Слово»). И тем не менее звучали – хотя и заглушаемые громами Моисея и Аристотеля – голоса, утверждавшие, что это не обязательно так. В «Кратиле» Платона есть место, впечатлившее юного аббата де л'Эпе:

> «Если бы мы были лишены голоса и языка, но захотели бы сообщить друг другу какие-то вещи, то разве мы – подобно тем, кто нем от природы, – не стали бы обозначать наши мысли руками, головой и другими частями тела?»

Можно привести также проницательное замечание врача и философа XVI века Кардана:

> «Вполне возможно поставить глухонемого в такое положение, что он будет слышать, читая, и говорить письменным языком, ибо точно так же, как различные звуки по договоренности используются для обозначения разных вещей, так же можно использовать для этого изображения предметов и слов. Письменные знаки и идеи можно сочетать и без участия звуков».

В XVI веке мысль о том, что понимание идей не зависит от воспринятых на слух слов, была поистине революционной[17].

Но мир, как правило, изменяют не философские идеи. Наоборот, мир меняют простые люди. Но только встреча этих двух сил – просвещенной философии и энергичной народной массы – движет историю, воспламеняет революции. Высокий ум – аббата де л'Эпе – должен был встретиться с низкой практикой – самодеятельным языком жестов глухих нищих, бродивших по Парижу, – чтобы стало возможным мгновенное преображение. Если мы спросим, почему эта встреча не состоялась раньше, то, наверное, нам придется вспомнить о склонностях и характере аббата, для которого была невыносима мысль о загубленных душах глухонемых, живущих и умирающих без исповеди, лишенных катехизиса, Писания, Слова Божия. Отчасти прорыв произошел благодаря его простоте и скромности – он *слушал* глухих, – а отчасти благодаря философским и лингвистическим идеям, носившимся в то время в воздухе, идеям об универсальном языке, *speceium*, о котором мечтал Лейбниц[18]. Так, де л'Эпе

---

[17] Существовали, однако, и чисто письменные языки, например, научный язык, который в течение тысячелетия использовался элитой китайской бюрократии. На этом языке никогда не говорили. Более того, он и не был для этого предназначен.

[18] Здесь де л'Эпе в точности повторяет идеи своего современника Руссо, как это делали авторы всех описаний языка жестов в XVIII веке. Руссо (в своем «Рассуждении о происхождении неравенства» и в эссе «О происхождении языка») вводит понятие первичного, или исходного, человеческого языка, в котором каждая вещь имеет свое истинное и естественное название, языка настолько конкретного, настолько частного, что он может ухватить сущность, «бытийность» всего на

подошел к языку жестов не с вызовом, а с благоговением.

> «Универсальный язык, который вы, ученые, столько лет тщетно искали и в создании какового отчаялись, находится здесь; он находится у вас перед глазами, это мимический язык глухих нищих. Вы не знаете его и поэтому презираете, но только он один даст вам ключ к разгадке всех языков».

То, что это ошибка – ибо язык жестов не является универсальным языком в высоком смысле этого слова, а благородная мечта Лейбница есть не более чем химера, – не имело никакого значения; более того, в этом утверждении таилось и некоторое благо[19]. Главным же было то, что де л'Эпе очень

свете, настолько спонтанного, что он может прямо выразить все эмоции, и настолько прозрачного, что становятся невозможными уклончивость и обман. Такой язык не нуждается (и это действительно так) ни в логике, ни в грамматике, ни в метафорах, ни в абстракциях. Это был не язык-посредник – язык символического выражения мыслей и чувств, а язык непосредственного выражения того же. Возможно, мысль о таком языке – языке сердца, языке прозрачности и света, языке, который никогда не обманывал и не запутывал нас (Витгенштейн часто говорил о колдовстве языка), языке чистом и глубоком, как музыка, – является универсальной фантазией.

[19] Эта идея о том, что язык жестов является однородным и универсальным, что он дает возможность глухим всего мира мгновенно вступать между собой в общение, дожила до нашего времени. Тем не менее это неверно. Существуют сотни различных языков жестов, возникших независимо друг от друга везде, где существует достаточное число глухих, вступающих в контакт. Так, существуют американский язык жестов, британский язык жестов, французский язык жестов, датский язык жестов, китайский язык жестов и майский язык жестов, хотя они не имеют никакого отношения к устным английскому, французскому, датскому, китайскому и прочим языкам. (Более пятидесяти национальных языков глухо-

внимательно относился к своим ученикам и освоил их язык (вероятно, первым из слышащих людей). Потом, связывая их знаки с картинками и написанными словами, он научил их читать. Тем самым он открыл глухим дорогу к учености и культуре. Разработанная де л'Эпе система «методических» знаков – сочетание знаков языка жестов со знаками французской грамматики – научила глухих учеников записывать то, что жестами показывал им переводчик. Этот метод оказался таким успешным, что позволил изначально глухим людям читать и писать по-французски, то есть открыл им доступ к образованию. Его школа, основанная в 1755 году, стала первой школой, получившей общественную поддержку. Де л'Эпе подготовил множество учителей для глухих, и эти учителя к моменту смерти аббата (он умер в 1789 году) основали 21 школу во Франции и в Европе. Будущее школы самого де л'Эпе казалось неопределенным из-за захлестнувшей Францию революции, но к 1791 году она превратилась в парижский Национальный институт глухонемых. Возглавил это учреждение блестящий грамматист Сикар. Книга де л'Эпе – революционная в своем роде, как труд Коперника, – была впервые напечатана в 1776 году.

Эта книга теперь переведена на многие языки, она стала классикой. Но оставалось неизвестным и являлось самым важным (а возможно, и чарующим) – писания самих глухих

немых – от языка австралийских аборигенов до югославского – описано в «Энциклопедии Галлоде о глухих и глухоте», изданной Джоном Ван Кливом.)

из школы аббата де л'Эпе. Это были первые глухонемые в мире, научившиеся писать. Харлан Лейн и Франклин Филип сослужили всем нам громадную службу, сделав доступными писания первых грамотных глухих в книге «Опыт глухих». Особенно трогательной и значимой является книга «Наблюдения» Пьера Деложа – первая книга, написанная и изданная глухим автором в 1779 году. Теперь эта книга доступна и на английском языке. Сам Делож, оглохший в очень раннем возрасте и не умевший говорить, дает в своей книге первое реалистическое описание мира человека, лишенного речи:

> «В начале моей болезни и до тех пор, пока я жил отдельно от других глухих людей, я не знал языка жестов. Мне приходилось пользоваться случайными знаками, не связанными друг с другом. Я не знал искусства их соединения, позволяющего формировать четкие представления, с помощью которых можно представлять различные идеи, сообщать их сверстникам и превращать в логические рассуждения».

Таким образом, Делож, несомненно, очень одаренный человек, едва ли мог создавать идеи или пускаться в логические рассуждения до того, как овладел языком жестов (которому, как это почти всегда бывало у глухих, он научился у другого глухого, в его случае у неграмотного глухонемого человека). Делож, несмотря на свой пытливый ум, оставался интеллектуальным инвалидом, пока не выучил язык же-

стов и в особенности не освоил то, что британский невролог Хьюлингс-Джексон, через столетие, в отношении больных с афазией[20], назвал «пропозиционированием» (формированием суждений и высказываний). Этот вопрос стоит прояснить особо, приведя довольно обширную цитату из самого Хьюлингса-Джексона[21]:

> «Мы не говорим и не мыслим одними только словами и знаками, мы делаем это, определенным образом соотнося друг с другом слова и знаки. Без правильных взаимоотношений частей вербальное высказывание превратится в последовательность имен, в нагромождение слов, не являющееся суждением или предложением. Единица речи – это предложение. Потеря речи (афазия) является, следственно, потерей способности к составлению предложений, причем не только способности формировать произнесенные вслух предложения, но и способности формировать внутренние предложения. Бессловесный больной теряет речь не только в обиходном значении, то есть в смысле неспособности говорить вслух, но и в более общем смысле. Мы говорим не только для того, чтобы

[20] Афазия – нарушения речи, обусловленные очаговыми поражениями головного мозга. – *Примеч. ред.*

[21] Сочинения Хьюлингса-Джексона, касающиеся языка и афазии, очень удобно собраны в одной книге «Мозг», изданной в 1915 году, вскоре после смерти великого невролога. Наилучший критический разбор взглядов Хьюлингса-Джексона можно найти в третьей главе чудесного двухтомника Генри Хэда «Афазия и родственные расстройства речи».

сообщить другим людям свои мысли, но и для того, чтобы сказать себе, что мы думаем. Речь – это часть мышления».

Вот почему выше я говорил о том, что ранняя или врожденная глухота намного опаснее, чем слепота. Дело в том, что глухота является состоянием, лишающим человека речи – то есть способности к составлению предложений и суждений, – что можно вполне сравнить с афазией, состоянием, при котором само мышление становится бессвязным и притупленным. Бессловесный глухой и в самом деле становится как бы умственно отсталым. Причем эта отсталость у него весьма особого свойства – он может обладать интеллектом, причем очень мощным, но этот интеллект заперт до тех пор, пока глухой лишен речи и языка. Аббат Сикар совершенно прав, когда поэтично пишет о том, что использование в обучении глухих языка жестов «впервые открывает двери темницы перед их интеллектом».

Нет более чудесного и славного деяния, чем раскрыть способности и дарования человека, дать ему возможность расти и мыслить, и никто не сказал об этом красноречивее внезапно освобожденного немого Пьера Деложа:

«Язык жестов, коим мы пользуемся в нашем общении, является верным образом выражаемого предмета, он великолепно подходит для точного выражения идей и усиливает нашу способность к оценкам, так как вырабатывает в нас привычку к

постоянному наблюдению и анализу. Это живой язык: он придает облик чувству и развивает воображение. Ни один другой язык не в состоянии так живо передавать сильные эмоции».

Но даже де л'Эпе не знал или не мог поверить, что язык жестов является языком в полном смысле этого слова, языком, способным выразить не только эмоцию, но и любое предложение или суждение, языком, дающим своим носителям возможность обсуждать любые темы – конкретные или абстрактные – так же эффективно и грамматически упорядоченно, как и устная речь[22].

Это понимали, пусть даже не всегда отчетливо, носители языка жестов, но полноценность его всегда отрицалась слышащими и говорящими, которые при всех своих благих намерениях считали жесты чем-то примитивным, считали сам язык жестов не более чем пантомимой. Подобное заблуждение разделял и де л'Эпе, его и сегодня разделяет подавляю-

[22] Действительно, незнание или недоверие привели де л'Эпе к созданию и внедрению совершенно ненужной и на самом деле абсурдной системы «методических знаков», которая в какой-то степени замедлила обучение глухих и явилась препятствием для их общения со слышащими. Оценка аббатом де л'Эпе языка жестов была одновременно экзальтированной и уничижительной. С одной стороны, он видел в языке жестов «универсальный» язык, а с другой стороны, считал его языком, лишенным грамматики (отсюда необходимость привлечения понятий из французской грамматики). Эта оценка господствовала в сурдопедагогике в течение шестидесяти лет, до тех пор, пока Рох-Амбруаз Бебьян, ученик Сикара, поняв, что самодеятельные языки жестов являются автономными законченными языками, не отбросил «методические знаки» и грамматику устной речи.

щее большинство слышащих. Мы, напротив, должны усвоить, что язык жестов ничем не уступает языку устному, что язык жестов пригоден для строгой речи и поэзии, для философского анализа и объяснения в любви. Причем язык жестов делает все это подчас с большей легкостью, чем язык устной речи. (В самом деле, если слышащие изучают язык жестов в качестве своего первого языка, то они зачастую используют его как предпочтительную альтернативу языку устной речи.)

Философ Кондильяк, который поначалу считал глухих «чувствующими статуями» или «ходячими машинами», неспособными ни к связному мышлению, ни к осознанной умственной деятельности, посетив инкогнито занятия в школе де л'Эпе, стал ревностным его апологетом и написал первое философское обоснование нового метода и языка жестов:

> «Из языка действия де л'Эпе создал методичное, простое и легкое искусство, посредством коего внушает своим ученикам идею любого типа, причем осмелюсь сказать, что эти идеи сообщаются им более отчетливо, нежели это можно сделать с помощью слуха. Будучи детьми, мы часто бываем вынуждены судить о значении слов по обстоятельствам, в которых мы их слышим, и нередко случается так, что мы схватываем значение лишь приблизительно и всю оставшуюся жизнь удовлетворяемся этим сомнительным знанием. Не то мы видим у глухих учеников де л'Эпе. В его

распоряжении есть только одно средство для передачи чувственных идей; он их анализирует и заставляет учеников делать то же самое. Так он ведет их от идей чувственных к идеям абстрактным; отсюда мы можем судить, насколько более предпочтителен язык действия де л'Эпе в сравнении с речевыми звуками наших гувернанток и наставников».

От Кондильяка до широкой публики, которая тоже бросилась на демонстрационные уроки де л'Эпе и Сикара, все теперь заинтересовались судьбой глухих. Это был поразительный переворот в настроениях. Люди повернулись лицом к глухим, открыли им сердца. Глухих – прежних изгоев – с распростертыми объятиями приняли в человеческое общество. Этот период, который можно считать золотым веком в истории глухих, стал свидетелем быстрого распространения школ для глухих, укомплектованных обычно глухими учителями, по всему цивилизованному миру. Глухие вышли из мрака пренебрежения. Их признали как полноправных членов общества, стало возможным продвижение глухих на социально значимые позиции – внезапно, как по мановению волшебной палочки, появились глухие писатели, глухие инженеры, глухие философы и т. д.

* * *

Когда Лоран Клерк (ученик Массье, который, в свою оче-

редь, был учеником Сикара) прибыл в 1816 году в Соединенные Штаты, он кардинально изменил отношение к вопросу о социальном статусе глухих, ибо до тех пор американские учителя никогда не видели образованных, интеллектуальных глухонемых и даже не могли их себе вообразить. Мало того, они были не в состоянии представить себе, какие возможности могут быть у глухих людей. Вместе с Томасом Галлоде Клерк основал в 1817 году в Хартфорде Американский приют для глухих[23]. Так же как Париж – учителя, философы и

[23] В книге «Когда разум слышит» Харлан Лейн превращается в романиста, биографа и историка, когда начинает вести повествование от имени Лорана Клерка, устами которого автор описывает раннюю историю глухих. Так как Клерк за свою долгую жизнь стал участником, а иногда и зачинателем множества крупных событий, его «воспоминания» становятся чудесной «персонифицированной» историей глухих.История вербовки Лорана Клерка и его приезд в Америку является излюбленным местом в истории глухих и их фольклоре. Однажды преподобный Томас Галлоде наблюдал из окна своего дома, как в его саду играют дети, и увидел, что одна девочка не принимает участие в общем веселье. Он узнал, что девочку зовут Алисой Когсвелл и что она глухая. Сначала он попытался сам заниматься с ней, но потом решил поговорить с ее отцом, хартфордским хирургом Мэйсоном Когсвеллом, об основании в Хартфорде школы для глухих (в то время в Соединенных Штатах не было школ для глухих).Галлоде отправился в Европу, чтобы поискать учителя, который смог бы основать или содействовать основанию школы в Хартфорде. Сначала он отправился в Англию, в одну из брэйдвудских школ, в «устную» школу, основанную в предыдущем веке (это была та самая школа, которую посетил Сэмюэл Джонсон по пути на Гебриды), но здесь ему оказали весьма холодный прием: сказали, что метод «устного» обучения составляет секрет школы. Получив отказ в Англии, Галлоде пересек пролив и поехал в Париж, где нашел Лорана Клерка, который в то время работал преподавателем в национальном институте глухонемых. Захочет ли он – сам глухонемой, никогда не покидавший пределов родной Франции и, мало того, практически не

рядовая публика – был тронут, потрясен, изумлен и «обращен» аббатом де л'Эпе в 70-е годы XVIII века, так же была потрясена и «обращена» Америка пятьдесят лет спустя.

Атмосфера в хартфордском приюте, как и в основанных вскоре других школах, была проникнута неподдельным энтузиазмом и волнением, которые всегда характерны для любого важного интеллектуального и гуманистического начинания[24], быстрый и впечатляющий успех которого вскоре привел к открытию других школ в местностях с высокой плотностью населения, где можно было найти достаточно глухих учеников. Учителя глухих (почти все они бегло владели языком жестов, а многие и сами были глухими) практиковались в Хартфорде. Французская система жестов, привезенная Клерком, быстро смешалась с местной системой языка жестов – глухие создают такой язык везде, где образуется хотя бы небольшое их сообщество, так как он является наиболее простым и естественным для них средством

покидавший стен института, – захочет ли он уехать, чтобы нести Слово (Жест) в далекую Америку? Клерк согласился, и они вдвоем пустились в обратный путь. За пятьдесят два дня путешествия Клерк научил Галлоде языку жестов, а Галлоде научил его английскому. Вскоре по приезде они начали изыскивать деньги – публика и чиновники оказались на удивление щедрыми – и уже в следующем году вместе с Мэйсоном Когсвеллом открыли в Хартфорде приют для глухих. Сегодня на территории университета стоит статуя Галлоде, дающего первый урок Алисе Когсвелл.

[24] Этой атмосферой буквально проникнута прекрасная книга «Глухой и бессловесный» Эдвина Джона Манна, покойного ученика хартфордского приюта, напечатанная в издательстве «Хичкок» в 1836 году.

общения, – и в результате получился на редкость выразительный и мощный гибрид – американский язык жестов (АЯЖ)[25]. Живительная мощь народного творчества – убедительно показанная в книге Норы Эллен Гроус «Здесь все говорили на языке жестов» – была щедрым вкладом глухих Мартас-Винъярд в создание американского языка жестов. Весьма значительная часть населения на острове страдала наследственной врожденной глухотой, и почти все остальные жители острова владели легким и выразительным языком жестов. Подавляющее большинство глухих Винъярда побывали в хартфордском приюте в годы его становления, где они способствовали созданию уникального по силе и выразительности национального языка глухих.

[25] У нас нет достаточных прямых свидетельств об эволюции американского языка жестов, особенно за первые 50 лет его существования, когда по мере американизации французского языка жестов происходила дальнейшая креолизация американской системы (см.: *Фишер*, 1978, и *Вудворд*, 1978). Через 50 лет мы застаем уже широкую пропасть между французским языком жестов и креольским американским языком жестов – об этой разнице был осведомлен уже и сам Клерк. Разница продолжала увеличиваться на протяжении всех последних 120 лет. Тем не менее между этими языками продолжает существовать и определенное сходство, во всяком случае, американские глухие чувствуют себя в Париже, как дома. Напротив, американцы плохо понимают британский язык жестов, у которого совершенно иные народные истоки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.